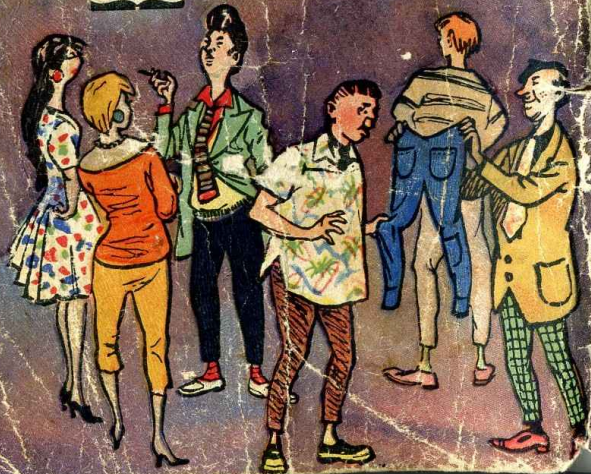

45 коп.
с 1/1-61 г. - 5к.

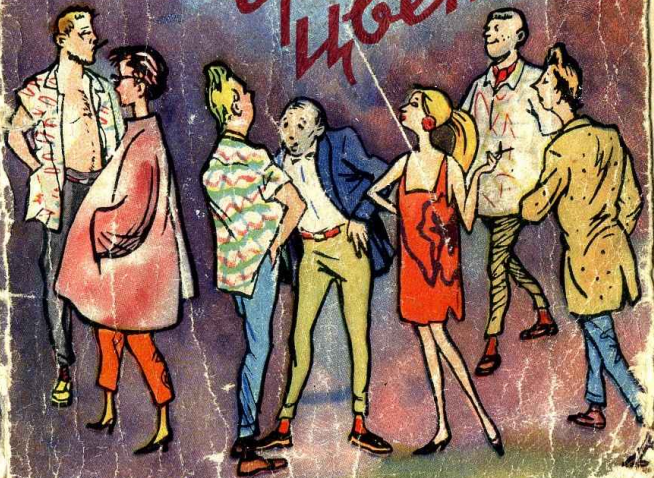
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

ВИКТОР ХМАРА

*Творим
товары!*

Сотняки среди цветов

Ex Libris

*Michele K. Simin
Milano*

Виктор ХМАРА

СОРНЯКИ
СРЕДИ ЦВЕТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

Москва 1960

СОРНЯКИ СРЕДИ ЦВЕТОВ

Встреча на карнавале

Недавно в Москве состоялся традиционный юношеский карнавал. Десятки тысяч молодых москвичей переполнили празднично украшенные аллеи Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького. Со строек Юго-Запада столицы и с «Трехгорки», с автозавода и из университета, из школ и научных учреждений хлынул неудержимый весенний поток. И словно приветствуя его, вспыхнули в парке цветные

огоньки: «Здравствуй, юность коммунизма!» Зашумел, забурлил могучий и нескончаемый хоровод, гигантский луг, усеянный цветами.

Но бывает так, что иной раз и среди самых красивых цветов попадает чертополох, сорняк, уродливое ядовитое растение. В поле или на клумбе с ним поступают просто: выдергивают с корнем и сжигают. А есть такие сорняки, что не держатся на одном месте. Напитавшись соками земли, они носятся потом по ней, широкой, благодатной, плодоносной, и поносят ее, и охаивают тех, кто украшает ее своим трудом...

Вихляющей джазпоходкой на центральную аллею вывалилась дюжина пестроклечатых молодчиков и девиц. Надменные, презрительные улыбки, этакий бараний взгляд, неврастенические подергивания, выкрики:

— Хэллоу, Стив!

— Ай эм хиа! Я здесь, Ван!

Неужто американцы пожаловали в гости? Подхожу к компании. Осторожными фразами, репликами стараюсь попасть в колею разговора, хочу понять, кто такие, каким ветром занесло их сюда. С первых слов чувствую, что это именно то, к чему сводилось задание редакции: познакомиться со «стилягами», проникнуть, если так можно выразиться, в их внутренний мир. Прикидываюсь приезжим, так сказать «стилягой» с периферии. Выручает маска.

— Виктор? Фи, как примитивно! — морщит вздернутый носик декольтированная до фантастических пределов девица. — В век легких конструкций нужно выражаться покороче. Я вас буду называть Вик. А вы меня Алис. Ну, а это...

— Сэм... Ван... Ив...

— Да помилуйте, братцы, вы что же, откуда, из-за океана?

— Ха, провинция! Чувствуется, что нет за плечами Кембриджа, — польщенный моей фразой снисходительно похлопывает меня по плечу здоровенный верзила в размалеванной кактусами рубашке на выпуск. — Позвольте проявить низменное любопытство: что изволили переварить? Третий тамбовский университет или академию коневодов? Га-га-га, — заржал он, будто откормленный жеребец.

— Видите ли, по паспорту, выданному мне милицией, я всего лишь Валя, — настаивает меня Алис, — но, посудите сами, носить такое имя сейчас, в век растущих туристских связей, неприлично. Или, скажем, Степан, — кивая в сторону носителя кактусов, развивает свою мысль полуоголенное создание. — Это же убого. Гораздо благозвучнее — Стив...

— А разве я похож на Ивана? — гримасничает юнец с филиппжераровской прической и кокетливой бабочкой. — Я же типичный Ив!

— А меня зовите Стасем. Стась Григ, представитель Одессы. Прибыл, образно говоря, на курсы усовершенствования. Хочу хлебнуть московской культуры...

— В Третьяковку, на Выставку достижений народного хозяйства, во МХАТ?..

Дружный визг прервал мой вопрос.

— Нет, вы несправимы, — вытирая слезы, выступившие от смеха, пролепетала Алис. Видимо, она всерьез решила заняться моим перевоспитанием. — Все, что вы упомянули, это же для экскурсий транзитных пассажиров. Стась не для этого прилетел в столицу. Мы разработали ему программу-минимум: увеселительный пикник за городом, подальше от идейных глаз, ужин в «Арагви», несколько новейших танцев, десяток пластинок...

Тошно вспоминать сейчас этот диалог, но уж больно хотелось выяснить: откуда берутся такие? Ведь не из княжеских они семейств. Степан Колодажный (Стив), Семен Брайнин (Сэм), Станислав Гринберг (Стась Григ), Валентина Криулина (Алис), Иван Стариков (Ив), Иван Мазур (Ван), Екатерина Вольская (Кэtti) и другие — дети служащих, рабочих, учителей. И учились они, конечно, не в Кембридже, а в советских школах, некоторые из них занимаются и сейчас в техникумах, институтах, работают в советских учреждениях. Откуда же

на них эта короста? Видимо, недосмотрела школа. Проморгали родители. Не сказала своего веского слова общественность.

Пусти ворону в Париж...

Мы не осуждаем стремлений некоторой части юношей и девушек глубже познать культуру народов Запада. Наоборот, мы убеждены, что только наша система воспитывает у молодежи подлинный гуманизм, уважение ко всем народам, к их труду и культуре. Мы знаем, что французы и немцы, англичане и американцы, итальянцы и голландцы, да любой, даже самый маленький народ создали немало ценностей, которыми они по праву гордятся и которые являются неотъемлемой частью общечеловеческой культуры.

Но мы знаем и другое. Капиталистическое общество той же Америки или Англии, Франции, Италии, уже не способное вдохновлять своих художников, композиторов, скульпторов, писателей, является источником всякой мерзости, принимающей разнообразные формы. В одном случае это беспредметная мазня на полотне, в другом — танец для припадочных, в третьем — ржавые консервные банки, утверждающие «новое направление в скульптуре»...

Мне довелось видеть в Америке «картину» некоего Лайна — «Шумная улица». На холст

налеплены осколки стекол, обрывки афиш, окурки сигарет, обгоревшие спички, а в правом углу внизу клочок бумажки с расплывчатым серым пятном. Подзываю дежурную.

— Что это? — указываю на бумажку с пятном.

— Засушенный плевок. Художник подобрал его на той же улице, где и остальные предметы...

— Простите, но для чего это нужно?

— Как, неужели вы ничего не чувствуете, глядя на полотно?

— Кроме отвращения, ничего.

— Я не об этом вас спрашиваю. Неужели вы не замечаете, как тонко художник изобразил улицу? Представьте Бродвей. Десятки, сотни, тысячи жителей Нью-Йорка движутся по этой магистрали. Они заглядывают в витрины магазинов. Об этом говорит этот осколок. Они заходят в театры, в кино, в варьете. Об этом напоминает обрывок афиши. А эти густо налепленные окурки и спички — старики и юноши, бедные и богатые — говорят о тесноте, суеде, движении. О горечи жизни рассказывает засушенный плевок...

И это выдается за искусство! Нет, такую, с позволения сказать, «культуру» мы не можем принять. Мы отвергаем ее. Она оскорбляет лучшие чувства человека.

Характерно, что на Всемирной выставке в Брюсселе залы, где было представлено так называемое абстрактное искусство, были метко и остроумно названы бельгийскими газетами «залами для влюбленных».

— Почему? — поинтересовался я.

— Там никто не задерживается. А влюбленным парочкам это на руку: они могут в этих залах уединиться и целоваться.

Однако я усомнился: станет ли действительно влюбленная парочка целоваться под засушенной блевотиной?

Можно до некоторой степени согласиться с мнением бельгийского врача-психиатра Поля Бурже, заявившего на одной из дискуссий по вопросам искусства:

— Я давно изучаю абстрактное искусство. Мне кажется, что полотна и скульптуры абстракционистов — это прекрасные наглядные пособия для психиатрических больниц. Именно с этой точки зрения я подхожу к изучению подобного явления в искусстве. По этим произведениям я сужу о степени психического заблуждения их авторов.

Бурже неправ в одном: он рассматривает это искусство как патологическое явление. А ведь это социальная болезнь буржуазного общества.

К познанию культуры народов Запада ведут разные пути. Пойдешь по одному — изучишь язык, историю, литературу, искусство, глубоко ознакомишься с достижениями науки и техники, извлечешь то полезное и ценное, что сможешь применить у себя на заводе, в институте, в сельском хозяйстве. Это благородный, хотя и трудный путь.

А есть и другой. И по нему идут Стив, Алис, Ив и прочие. Они подхватывают на лету «засушенный плевок», контрабандой попадающий на здоровую советскую почву, и думают, что соприкоснулись с культурой Запада. Влезут такие молодчики и девицы в ультраузенькие штанишки-дудочки, нацепят кофты умопомрачительной расцветки и считают, что теперь они «на уровне века». Но попробуйте с ними побеседовать: пустотой и цинизмом понесет от них. Не знают они ни своей, ни чужой культуры. О многом пытался я с ними говорить. Но, странное дело, ничто не интересовало их так, как витрины Парижа, рок-н-ролл, «уникальные» пилесосы, засаленные кофты, приобретенные с рук у какого-нибудь иностранного туриста... О, тут я «пасовал» перед ними! Они млели перед собачьим тьякнэем, записанным на пластинку, и выключали приемник, когда раздавалась задумчивая русская народная песня в исполнении Тамары Стрелковой. И, глядя на эту компанию,

я вспомнил украинскую поговорку: «Пусти ворону в Париж — она и там на мусор сядет».

На Белорусском вокзале в Москве комсомольские патрули засняли дикую сценку: к стоявшему на подножке вагона иностранному туристу, одетому в кофту с голыми девицами и пальмами, бросился какой-то молодчик с фотоаппаратом «Зоркий». Сообразив, в чем дело, чужеземец уже на ходу сбросил с себя грязную потную кофту, швырнув ее на платформу. Молодчик коршуном бросился на эту подачку, вызвав всеобщее отвращение к себе со стороны и советских людей, и заморских гостей.

У «Метрополя» и «Националя» подобные «бизнесмены» скупают у иностранных туристов даже этикетки от пиджаков и рубашек. Для чего? А чтобы пришить потом на хорошо сшитые советские, чехословацкие, венгерские костюмы и выдавать их за продукцию Запада. Такие уроды создают у некоторых зарубежных гостей ложное представление о нашей чудесной советской молодежи.

В нашей стране нет почвы для грязных дел иностранной разведки, поэтому она ищет себе опору среди всякого рода проходимцев, морально разложившихся людей, хулиганов, пьяниц. Вот на кого она делает ставку! Молодчики и девицы, подобные Стиву и Алис, — это же находка для вражеских лазутчиков! Найдя таких, они уси-

ленно начинают их обхаживать, дарить им заграничные вещички, в розовом свете расписывать жизнь в капиталистическом мире. С этого начинается. А чем кончается — известно.

Американская радиостанция «Голос Америки» в одной из своих недавних передач нагло и открыто рекомендовала: «Если вы хотите завоевать душу стилиаги, не знакомьте его с музыкой Гершвина и творениями Фицджеральда. Покажите ему цветной джемпер, и он будет нам предан душой и телом».

Вряд ли требуются какие-либо комментарии к этому заявлению.

Душа в «дудочке»

Пусть не поймут нас превратно. Мы не собираемся выступать против узеньких брюк и цветастых рубашек навывпуск. Что ж, в жаркую погоду такая одежда даже удобна — и на работе, и на отдыхе, и в походе. В конце концов это дело вкуса, привычки. Одним нравится, другим нет. Время, жизнь вынесут свой приговор. Мы ведь недавно стали разбираться в модах, приглядываться к себе. А были годы, когда старенький ватник и поношенная солдатская шинель служили нашим людям и рабочей и парадной одеждой. Тогда мы строили Магнитку, Днепрогэс, Кузнецк, Турксиб, Сталинградский

тракторный, Комсомольск-на-Амуре... Нам некогда было разглядывать себя в зеркале. А потом война. И ни разу не надев на себя красивого платья, сменила Зоя школьную форму на партизанский ватник. Так и осталась она в нашей памяти: девушкой в ватнике. Такой я видел ее недавно в центре Тамбова: в бронзовом ватнике с автоматом в руках. А вокруг цветут розы и сидят на лавочках влюбленные пары.

Теперь у нас тысячи прекрасных парков, Дворцов культуры, похорошели улицы городов, появились великолепные станции метро в Москве, Ленинграде и Киеве, выросли города-сады Новая Каховка, Ангарск, Волжск, сказочно красивыми стали Сталинград, Севастополь, построены новые институты, школы, вырос на Ленинских горах Дворец науки... И неловко теперь войти в новый клуб в ватнике, не пойдешь в парк в сапогах. Люди потянулись к хорошим костюмам, стали в тон подбирать обувь, чаще останавливаться у зеркала. Жизнь так повернулась.

Строя спутники и ракеты, комфортабельные и самые быстрые в мире пассажирские самолеты, атомные электростанции и новые дома, преобразяя природу Сибири, творцы прекрасного и передового хотят — и это их законное право! — быть и внешне красивыми.

У нас есть свои национальные традиции,

вкусы, свои взгляды на моду, вытекающие из нашей жизни, из нашей истории. Мы не можем слепо копировать все то, что предлагает Запад. Но и не собираемся огульно отвергать, критиковать моды только потому, что они «западные». Мы знаем, что американцы, англичане, французы умеют красиво, со вкусом одеваться. Но есть там и нелепые, доходящие до карикатур одеяния. К тому же мы понимаем, что не все то, что выглядит красивым, скажем, в странах Латинской Америки, может быть принято нами. Пестрые наряды латиноамериканцев отвечают яркости окружающей их природы. Там круглый год цветение. Их наряд созвучен с их экспансивным характером, песнями, танцами, музыкой. Но наденьте что-либо подобное на жителей Кирова, Перми, Новосибирска, Саратова, даже Краснодара — это уже будет неестественно, крикливо, а порой и уродливо.

По улице идет девушка. Симпатичная девушка. Надень на нее ситцевое платье в цветочках, простой сарафан — красавица из красавиц будет. Оборачиваться станут в ее сторону. На нее и сейчас оглядываются, но с удивлением, недоумением, сожалением. Она, эта русская девушка, втиснулась в странные штанишки с медными бляшками на коленях, перекрасила волосы в рыжевато-зеленоватый цвет и торжественно шествует по центральной улице города. И

люди отворачиваются, ибо такой вид, такая мода претят духу русского народа, у которого есть тонкий вкус, умение отличать красивое от пошлого и нелепого.

Не брючки-дудочки страшны (пусть себе носят на здоровье!), а внутренний мир таких людей, их душа! А она, как правило, у таких вот молодчиков и девиц заключена, по выражению старого московского рабочего, в «дудочку»: «Что ни надень на них — нутро выдаст». И сомневаешься, есть ли у стивов и алис чувство национальной гордости, чувство достоинства советского человека?

«Мне, многодетной матери, колхознице, хочется высказать свое возмущение, — пишет А. Шишова из поселка Паназарево Костромской области. — Недавно я ездила в гости к сыну в Лодейное Поле. В Ленинграде в вагон с криком, гиком ввалилась компания модно одетых молодых людей. Только по накрашенным губам можно было отличить девушек от юношей.

Болтали они о многом, но когда задели мою родину, Кострому, именуя ее не иначе, как «провинцией», «глухоманью», терпение мое лопнуло.

— Да знаете ли вы, остальные люди, — сказала я им, — что Кострома имеет мировое значение. Со всех сторон приезжают в наши колхозы и совхозы ученые, фермеры, чтобы поглядеть на наш племенной скот...

К сожалению, никто из пассажиров меня не поддержал, только посмеялись:

— Дай им жару, бабка!..

А один молодчик даже крикнул:

— Если ты, мамаша, пикнешь еще, мы тебя из вагона выбросим.

Откуда берутся у нас вот такие охвостья? Ведь не ворона же их высидела, матери их родили! Так где же они, эти матери, выраставшие этакое позорище?!

Дорогие мои, до восемнадцати лет ходила я в домработницах, окончила потом школу малограмотных, а теперь читаю и книги, и газеты, и журналы. Мне пятьдесят восемь лет, и я хорошо вижу, как меняется к лучшему наша жизнь. Я воспитала шестерых детей, росли они без отца, привила я им любовь к труду, уважение к людям, все они работают.

А чем заняты эти трутни, почему иные из нас равнодушно проходят мимо них?

Ведь едят-то они костромское масло, наш прославленный сыр, не обходятся без хлеба, возделанного нашими руками, а сами с отвратительными улыбочками говорят о «провинции Костроме». Нет, не могу я быть спокойной, встречаясь с такими!..

Не потому ли скатываются в грязь, в болото низкопробной обывательщины стивы и алисы, что общественные организации, коллективы уч-

реждений, предприятий, учебных заведений, где они работают или учатся, слишком бездумно относятся к их «шалостям»? Можно ли назвать «шалунами» шалопаев, презирающих людей труда? Не следует ли устроить им очную ставку с тружениками заводов и фабрик, за счет которых они учились, а теперь кормятся и одеваются? Почему бы в парках, во Дворцах культуры, в институтах, в домовых красных уголках не поговорить с ними по душам, начистоту, показать им их полное ничтожество, пустоту, невежество?

Они истекают слюной перед заморскими подтяжками и музыкальной какофонией ресторанных джазов, а мир в это время рукоплещет советскому балету, хору Свешникова, восхищается нашими научными и техническими достижениями, ловит сигналы советских спутников, шлет слова приветов покорителям целины, осаждают наши выставки за рубежом, с волнением следит за могучей поступью строителей коммунизма.

А эти, не наученные ценить того, что далось нам такой дорогой ценой, не сделавшие ничего для Родины, путаются под ногами, ноют, брюзжат, смакуют, обсасывают некоторые наши трудности, презрительно поглядывают на тружеников, хихикают — дескать, мы выше, «интеллектуальной».

Нам недосуг прислушиваться к их жалко-

му пisku. Великая цель зовет нас вперед. Только жаль им будет вспоминать без толку растерянную юность. Да и есть ли она у них? Дряхлой старостью, тленом веет от этих двадцатилетних пустышек. Нет у них юности. Нет у них настоящей радости, гордости за исполненный долг, подлинного счастья, которыми так полны молодые строители коммунизма, их современники и одногодки.

ПИСЬМО В ГОЛУБОМ КОНВЕРТЕ

Дождевому червю
и подметка — бысота

Письмо в голубом конверте привлекло всеобщее внимание. Присланное рабочим Московского завода малолитражных автомобилей Виктором Ильницким, оно отличалось от сотен других, регулярно поступающих в редакцию. Письма бывают разные. В них бесхитростные рассказы о буднях нашей жизни, о радостях и невзгодах, об успехах и ошибках, в них добрые пожелания и критические замечания, предложения и недоуменные вопросы — от международных до самых интимных.

Письмо же Ильницкого смутило нас необычным убожеством взглядов автора. Иной раз приходят злопахательские, желчные, обывательские по своему содержанию анонимки. К таким

письмам отношение известное. Но тут точные данные: москвич, рабочий, да еще с какого завода — автомобильного!

Нет, с Ильницким надо непременно встретиться, потолковать по душам, разобраться, откуда у него, молодого заводского парня, столь странные рассуждения. Звоню на завод, хочу уточнить, в каком цехе, в какую смену работает Виктор. В отделе кадров отвечают: такой не значится.

— Как же так, — удивляюсь, — четыре года работает на вашем заводе, живет где-то в Лефортове. Сам пишет об этом...

— И все же тут какое-то недоразумение...

— Недоразумение? — задумчиво разглядывая письмо, переспрашивает секретарь заводского комитета комсомола Анатолий Магит, — Нет, пожалуй, здесь что-то другое. Грязная душонка пытается навести тень на наших ребят. Так я думаю... А не поговорить ли нам с рабочими? — вопросительно смотрит на меня Анатолий.

— Что ж, это идея...

...Человек, подписавшийся именем рабочего Московского завода малолитражных автомобилей, начинает свое письмо с рассказа о подметке. «Хватит, — пишет анонимщик, — прикрываться спутниками и лайнерами. Спуститесь по-

ниже — к самым обыкновенным полуботинкам. Одна пара у меня, но хожу я в ней вот уже четыре года. А почему? Потому что она западная, на ней клеймо заграничное... Мне лично ТУ-114 не надо, я обхожусь трамваем, но я хочу хорошо жить и одеваться...». В таком духе письмо выдержано до конца.

Прокатился гул возмущения, когда я прочитал эти строки.

— Нет среди нас таких! — воскликнул Слава Трофимов, токарь инструментально-штамповочного цеха.

— Он напоминает дождевого червяка, — заявила фрезеровщица режущего отделения Ира Берлин. — Высокие полеты нашей жизни ему недоступны. Его потолок — подметка.

— Нет у него гордости рабочего человека Советской страны, — бросил с места реплику старый рабочий Павел Васильевич Суриков. — Такие слизняки встречались на нашем пути. Когда-то они кричали: «Не надо магниток, днепрогэсов, турксибов, подайте нам побольше сливочного масла и сахара!» А время тогда тревожное было, со злобой глядели отовсюду враги, готовые в любую минуту ринуться на советскую землю. Послушайся мы противников пятилеток, нас проглотили бы вместе с маслом и сахаром. И вот опять я слышу знакомый писк: «Не надо

ТУ-114, подай ему, видишь ли, подметку с заграничным клеймом...» А нам нужны и ракеты, и атомные электростанции, и мощные самолеты, и многое другое... Мы видим, что происходит в мире. Чувство бдительности не должно покидать нас.

— Верно, — поддержал кто-то Сурикова. — Имея все это, мы можем спокойно заниматься изготовлением первоклассной обуви, одежды, мебели. И сколько делает наше государство для человека! Разве только червяк не замечает...

— Он хочет красиво жить и одеваться, — посыпались реплики. — Заворного в этом ничего нет. Каждый из нас об этом мечтает. Но у нас и у Ильницкого разные понятия об этом. Странно, что он ни слова не написал о том, как он трудится, что делает для нашего общего счастья...

— Хотелось бы посмотреть, какого качества продукцию выпускает Ильницкий. Чем пускать слюни перед заграничным клеймом, лучше бы он так поработал, чтобы с гордостью мог показать то, что сам произвел...

— Ильницкие забыли, что сапоги с русскими подметками прошли до Берлина. Такие типы напоминают мне тех крыс из басни Михалкова, что, похваляясь заграничным барахлом, жрут все-таки русское сало...

Если заглянуть в историю

И снова я вспомнил «Ильницкого», когда побывал на американской выставке в Сокольниках. Мне показалось, будто он — ну, конечно, он! — замороженными кроличьими глазками разглядывал кухонную посуду, дамские нейлоновые сорочки, остроносые туфли, поминутно восклицая:

— Ай да Америка! Утерла нам нос! Вот это отделочка!

Однако никто из посетителей не торопился разделять его телячьего восторга. Люди безразлично отходили от него. И лишь один седой сутулый старик с золотой звездочкой на груди сухо заметил:

— Что ж, ничего не скажешь, в этом они еще пока впереди нас. А только не мешало бы вам, молодой человек, изредка заглядывать в учебник истории. Вы бы узнали, что ни одна бомба не падала на эту страну, нет там ни одного разрушенного войной здания... К чему говорю об этом? А к тому, что были, выходит, у них возможности и время заниматься такой «отделочкой», как вы изволили выразиться... Вы бы заодно узнали, что на эту державу трудится по крайней мере сотня миллионов батраков. А мы свое счастье делаем вот этими руками. Нет слов, трудно дается оно нам. Не выбросишь из

нашей жизни почти два десятилетия войн, разрухи, восстановления. По опаленной земле несподручно было ходить в модных туфельках, вот и топали мы в грубых башмаках. Из землянок и развалин переселяли в новые дома миллионы людей. До нейлоновых ли сорочек было тогда? А теперь пришла пора и налегли мы на тех, кто шьет костюмы, делает обувь, мебель, телевизоры, — дайте нам больше, дайте нам лучше, говорим мы. Если вы все это поймете, то не будете понапрасну слюни пускать...

И мне показалось, что именно ему, «Ильницкому», отвечает Герой Социалистического Труда, будто и не прерывался разговор, начатый на заводе.

Понятно стремление каждого советского человека поближе узнать страну, которая по своим материальным богатствам, по своей технической оснащенности вырвалась вперед. Ведь именно ее нам предстоит догнать, а затем и перегнать — такова ближайшая цель, поставленная Коммунистической партией. И мы глубоко убеждены, что, опираясь на свой богатый опыт социалистического строительства, задачу эту осуществим в кратчайший срок.

Но, догоняя, мы, естественно, хотим лучше знать того, с кем предстоит потягаться в создании материальных благ для народа. Какая же в Америке промышленность? Каких успехов

достигла она в автоматизации и механизации? Что нового здесь в науке? Как добиваются американские фермеры высоких урожаев?

Это не праздное любопытство. Почему не перенять то хорошее, ценное, что создано руками талантливого американского народа? Но и знакомясь с полезным, нужным, мы отнюдь не теряем равновесия, не лижем угодливо заграничное клеймо, как делают это «ильницкие».

Автомобили? Что ж, хороши. О замечательных автомашинах Америки мы давно слышаны. Но и наши «Москвич», «Победа», «Волга», «Чайка», ЗИЛ и другие завоевали неплохую репутацию на мировом рынке.

Телевизоры? Неплохи. Да только и наши не хуже, а есть и такие, что получше.

Обувь? Посмотрим и обувь. Сделана со вкусом, добротнo. А разве туфли «Скорохода» или «Парижской Коммуны» уступают? Разве случайно многие изделия легкой промышленности нашей страны были удостоены высоких премий на Всемирной выставке в Брюсселе?

— Насколько популярна продукция, выпускаемая вашим предприятием, у зарубежного покупателя?

С таким вопросом мы обратились к директорам некоторых заводов и фабрик страны. Вот, например, что ответил директор Пензенского часового завода В. Н. Скорняков:

— Изделия нашего завода приобретают все большую известность за границей. Побывавшие у нас в гостях французские промышленники были удивлены, узнав, что ежегодно Пензенский завод выпускает столько же часов, сколько их производится во всей Франции. Но дело, конечно, не только в количестве. Главное — качество. Мы имеем рекламаций в три раза меньше, чем французские часовщики. Вот это и привлекает в наш город зарубежных гостей. Промышленники Англии, специально приезжавшие для знакомства с работой завода, дали высокую оценку нашей продукции.

Ныне пензенскую «Зарю» и «Звезду» можно встретить на прилавках Лондона и Копенгагена, Каира, Монреаля, Хельсинки...

Но, если так можно выразиться, Запад все еще «прощупывает» нашу продукцию. Механизмы у нас отменного качества, а вот по внешней отделке мы пока что уступаем Швейцарии, и на это иностранцы справедливо обращают наше внимание.

Кстати, с января этого года мы начали выпускать новую марку — «Сура» (по названию реки Сура, на берегах которой расположена Пенза). Это красивые часики прямоугольной формы с центральной секундной стрелкой, с противоударным устройством, чего, как извест-

но, не было ни у «Зари», ни у «Звезды», ни у «Авроры».

Главный покупатель нашей продукции за рубежом — это Польша, Чехословакия, Германская Демократическая Республика, Румыния, Болгария, Венгрия. Но особенно горды мы тем, что миллионы наших часов расходятся по Советской стране.

А вот что рассказал главный инженер московской парфюмерной фабрики «Новая заря» А. Я. Лившиц:

— Продукция нашей фабрики экспортируется во многие зарубежные страны. Советские духи можно приобрести в магазинах Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Англии, Ирана, Греции, Афганистана, Швеции, Канады...

Покупатели высоко оценивают качество советской парфюмерии. Она получила всемирную известность. Какие духи и одеколоны особенно популярны за границей? Право, трудно перечислить все. Охотно заказывают «Красную Московку», «Спутник», «Голубой ларец», «Весенние», «Кремль», «Сувенир», «Нежные», «Красный мак». Одна из канадских фирм сообщает, что у нее с каждым месяцем растет число покупателей.

Ассортимент уже зарекомендовавших себя духов непрерывно пополняется. «Просим чаще

сообщать о новинках, присылать образцы и каталоги духов», — пишут из Англии. А вот еще одно письмо — от канадской фирмы «Тройка импорт»: «Как вы уже заметили, каждый последующий наш заказ больше предыдущего... Вы можете ожидать от нас заказов на много тысяч долларов, так как распродажи растут. Среди наших клиентов сложилось прочное мнение, что русская парфюмерия имеет много общего с французской, а в некоторых случаях даже лучше французской...».

Стоит заметить, что жюри Брюссельской выставки присудило «Новой заре» Большую премию — «Гран при» — за ассортимент и качество продукции.

«Мужичка» нужно догонять

Кстати, хочу напомнить об одной встрече на Всемирной выставке в Брюсселе. Нас, советских журналистов, окружила группа бельгийских гимназистов.

— Где же ваши бороды? — недоуменно спросила юная бельгийка.

— А почему они должны у нас быть?

— Ну как же, в наших учебниках русские непременно изображаются с бородой. Вот, смотрите...

И мы увидели в книге мужичка в бараш-

ковой шапке, с черной бородой, в длинной рубашке, перевязанной бечевочкой, в лаптях. В руках он держал лопату... Дескать, вот она Россия с ее могучей техникой!

Именно такое представление о Советском Союзе пыталась создавать до последнего времени буржуазная пропаганда у доверчивых людей за рубежом. Как же выкрутиться ей теперь из того дурацкого положения, в которое она себя поставила? Как совместить бороду с космической ракетой, достигшей Луны? Как сопоставить лапти и атомный ледокол?

Именно в том, что определяет будущее человечества, мы уже обогнали Соединенные Штаты Америки, а это говорит о безграничных возможностях социалистической системы.

И не удивительно, что в Колумбийском университете, где мне довелось побывать, я увидел плакат-лозунг: «Догнать и перегнать Советский Союз по подготовке научных и технических кадров!»

Вот оно что! Оказывается, «мужичка в лаптях» нужно догонять в науке и технике!

Это видит сегодня весь мир, так старательно изучающий теперь русский язык — язык переловой культуры и науки. И только «ильники» подобно известному животному из басни Крылова, с аппетитом поедая желуди, не замечают могучего дерева, на котором они растут.

Однако, почему же «Виктор Ильницкий» трусливо скрывает свое подлинное имя? Легко понять. Он одинок в своих измышлениях. Ему заведомо известно, что убогие, грязненькие мысли его не найдут поддержки у советских тружеников. За анонимкой такого рода всегда скрываются низость, ложь, клевета, трусость.

ГДЕ ЖЕ ВЫ, БЕЛЫЕ НОЧИ ЛЕНИНГРАДА...

Путаное, тревожное письмо пришло из Пскова. Безымянный автор взволнованно и сбивчиво писал о судьбе малознакомой ему девушки, попавшей в беду. Трудно было понять, о чем, собственно, идет речь, какое горе вошло в квартиру Афанасия Ивановича и Екатерины Николаевны Спиридоновых, уважаемых в городе людей. И хотя в письме не было ни адреса, ни имени девушки, в редакции решили: нужно немедленно направить в Псков специального корреспондента.

Свет, как говорится, не без добрых людей. С помощью местных товарищей мне вскоре удалось разыскать семью Спиридоновых, побывать у них дома, выслушать печальный рассказ. Правда, их дочери Маргариты, о которой шел разговор, в городе не оказалось. Студентка Ле-

нинградского технологического института холодильной промышленности, она снова вернулась к друзьям продолжить прерванную учебу.

Но чтобы разобратся во всем до конца, мало было поговорить с родными. Нужно было встретиться с самой Маргаритой Сысоевой (нет, я не ошибся: Рита замужем) и с ее мужем Виктором, ныне проживающим в Свердловске. Так я и поступил. Псков — Ленинград — Свердловск. Таков был мой маршрут. Собственно, шел я по пути двух влюбленных сердец.

* * *

Как же пришла к тебе любовь, девушка из Пскова? Какими дорогами, тропками подошла она к твоему сердцу? Через какие испытания и буреломы прошла она, яркая, чистая, нежная? Почему так неожиданно-негаданно оборвалась и угасла? Может, и не было ее, такой? Может, только в мечтах, желаниях своих нарисовала ты ее такими светлыми красками? Давай припомним все, пройдемся по тем дорожкам, где вспыхнула и сгорела твоя первая любовь.

...Кажется, с фото началось, не так ли? Твой брат Генка увлеклся фотографией. А Витек Сысоев — ты и не слыхала о нем до этого — тоже имел пристрастие к фото. Заскочил он однажды к Генке на минутку, то ли на консультацию, то ли еще по каким делам, да так и за-

стрял, увидев Генкину сестру — девятиклассницу. Ты даже внимания не обратила на этого неуклюжего вихрастого паренька. Мало ли кто ходит к Генке! А только Витек зачастил с той поры к вам. Нужно, не нужно, а он тут как тут, была бы только ты дома, а повод всегда придумать можно... И не надо было строить догадок, к кому захаживает, о ком думает этот нескладный мальчишка, не сводивший с тебя глаз. Тебе и неведомо, наверное, было, что уже тогда твой брат Генка, ныне офицер Советской Армии, как-то мимоходом, но сурово заметил своему товарищу: «Хочешь дружить с Риткой — дружи, но только по-честному».

Тебе-то лучше известно, Рита, какой чистой и светлой была дружба двух сверстников. Вместе бродили вы по городу, молча сидели на берегу реки, ходили в кино, читали книги... Ты до сих пор с нескрываемым трепетом вспоминаешь, как в один из летних вечеров поклялись вы дружить и быть вместе всю жизнь.

Вместе с Витей ты переживала, когда его родные переехали в город Остров. Ведь это целых полсотни километров от Пскова! Но что они значили для горячей юношеской любви! В дождь, стужу приезжал на велосипеде Витек.

Майские праздники вы всей семьей провели у Сысоевых в Острове. Кто бывал в этом городе, тот никогда не забудет Горохового озе-

ра... Сколько лет уж прошло с тех пор, а ведь ты и сегодня, зардевшись, вспоминаешь, как после окончания десятилетки катались вы с Витей на лодке по этому озеру, как на его берегах, в густом лесу собирали ландыши, как попали однажды в ливень... Какие это были чудесные дни!

Я слушаю, не перебивая. Но о чем ты задумалась, девушка? Откуда эти непрошенные слезы, которых ты даже не замечаешь? Что было потом, когда вместе уехали вы учиться в Ленинград: ты в институт, а он в училище? Что ж ты умолкла, Рита?

Белые ночи Ленинграда... Мосты над Невой. Шпиль Адмиралтейства. Кировские острова. Фонтаны Петродворца. Эрмитаж. И повсюду вы вместе. А если не можете встретиться, то пишете друг другу письма. Каждый день! Ох, сколько их скопилось у тебя, Витиных писем, в которых, кроме слова «люблю», кажется, ничего другого и нет.

Вот здесь, на берегу Невы, ты сказала однажды:

— Что бы с тобой ни случилось, Витек, знай, ты мне нужен и дорог любой...

Ты не забыл этих слов, Виктор Сысоев? Впрочем, не буду торопить ход событий, ты еще скажешь свое слово, лейтенант.

А пока вспоминай, Рита, ничего не упускай. Морозные ночи Ленинграда... Они ведь тоже хороши! А эта, под новый 1958 год, тем более никогда не забудется: Витя предложил расписаться. Ну, кто ты была до этого? Просто девчонка! Училась на 3-м курсе. А тут вдруг стала взрослой, невестой, и теперь тебе нужно думать, думать, думать... Папа и мама далеко, а он ждет ответа. Ну, решай же, решай, Ритка, Рита, Ри...

Нет, сомнений у тебя не было, ты знала, верила, что Витек тебя любит, что нет на свете человека, лучшего, чем он. Но было так боязно, тревожно. Ой, ведь это на всю жизнь!.. Не лучше ли хоть немножко оттянуть? До лета, до белых ночей, когда станешь ты чуточку старше? Так вы и договорились. Вместе с Витей, взявшись за руки, ходили потом по магазинам, выбирая свадебное платье...

И не знала, не гадала ты, девушка из Пскова, что беда шла за тобой по пятам. Началось с чепухи. В один из апрельских дней ты немного простыла, но по студенческому легкомыслию продолжала ходить в институт, боясь отстать от подруг. Однако пришел день, когда ты уже не смогла подняться с постели. Видно, и врач не застрахован от ошибок.

— Грипп... Полежите денек, другой — все пройдет, — сказал он тебе в тот роковой день,

не догадываясь, что в легких твоих уже полыхал смертельный огонь.

Видя, как ты задыхаешься, стонешь, подруги по общежитию вызвали телеграммой твою маму, Екатерину Николаевну. А к этому времени воспаление легких сменилось плевритом. Анализы, рентген показали, что появился маленький инфильтрат — черная точка на легких. И тебя из больницы перевели в тубдиспансер. Но мама решила, что в Пскове, рядом с домом, тебе будет лучше. Проводить тебя пришел и Витя.

«Только бы увидеть тебя, Витек, прикоснуться к твоей руке, — писала ты ему в Ленинград, — и мне ничто не будет страшно».

В те дни он ежедневно присылал тебе в больницу, а затем в санаторий теплые, ободряющие письма. А это, как утверждают врачи, тоже немаловажный фактор в лечении.

В августе врач сказал:

— Вот вы и здоровы, девушка. Инфильтрат зарубцевался. Все зависит теперь от вас: получше смотрите за собой, не простуживайтесь.

И ты, возбужденная, радостная, уехала в Ленинград. А 17 августа 1958 года вы с Витей расписались.

Правда, ты и на этот раз пыталась отговорить друга:

— Ведь я еще больна, Витек... Может, погосим?

— Нет, что ты, вдвоем легче переносить все невзгоды...

Ты не забыл этих слов, Виктор?

Да, вы расписались. Свершилось то, к чему вы так стремились, во имя чего еще в школьные годы дали торжественную клятву: всю жизнь быть вместе.

В сентябре Витя закончил училище, получив назначение в Свердловск, куда до этого уже переехали его родные — Николай Иванович, ответственный работник областной конторы Госбанка, и Раиса Александровна.

Пришлось сыграть две свадьбы: 5 октября в Пскове и 15 октября (в день рождения Вити!) в Свердловске.

* * *

Звоном бокалов встретил тебя Урал. Но как ни сладок медовый месяц, а приходит и ему конец. Начинаются обычные, будничные дни семейной жизни. Витя возвращается поздно, и ты весь день одна... Все чаще и чаще ты вспоминаешь Ленинград, своих институтских друзей, нетерпеливо ждешь окончания предоставленного тебе по болезни академического отпуска.

С непонятным холодком встретили тебя родители Виктора. Нет, они тебя ни в чем не уп-

рекали, не ругали. Они просто старались тебя не замечать. Гордая по натуре, воспитанная в дружной, трудолюбивой семье, ты замкнулась, не желая войти в мир скопидомства, вечного нытья о вещах, о тряпках. Здесь каждый жил для себя, но перед людьми хотел выглядеть в ином свете. Кстати, и Витя позже писал тебе: «Когда к нам кто-либо приходил, то ты сидела с таким выражением лица, как будто поела хрену или горчицы. Зачем показывать другим, что дома у нас неладно?»

— Живите, как хотите, я не хочу вмешиваться в вашу жизнь, — частенько повторял Николай Иванович. — Заварили кашу — расхлебывайте сами...

Такова «философия» Сысоевых.

И эту обстановку остро почувствовал твой брат Геннадий, захвативший на несколько дней в Свердловск. Он настоял, чтобы ты немедленно вернулась домой. Витя, хорошо зная нравы своих родителей, согласился, что пока нет своего угла, так, пожалуй, будет лучше. Вслед тебе, Рита он посылал письма, полные любви и грусти.

«Ри, неужели ты думаешь, что я такой же, как мои родители?» — спрашивал Витя в одном из них.

«Только ты сможешь дать мне жизнь! Первые радости жизни я испытал благодаря тебе,

твоей настоящей любви. Ты, Ри, заменила мне все: мать, подругу, жену!».

«Я так же чист перед тобой, как и ты, хорошая моя. Рядом с тобой должен стоять такой же человек, как и ты, с честным и открытым характером... Ну, как Ри, оправдываю я твоё доверие, твои думы и мечты о совместной жизни, о нашем счастье?»

Все это твои слова, Виктор. И я не сомневаюсь, что писал ты их искренне, от души.

И когда твои родители, расцеловав на вокзале Риту (чтобы люди видели!), послали в тот же день письмо её родным, в котором поливали свою невестку грязью, ты же сам, познакомившись позже с его содержанием, написал Рите: «Все письмо — ложь! Вот и все. И мне, как сыну, очень неудобно перед твоими родителями... Жить с моими родными никогда не будем».

Что же случилось потом? Давай поговорим начистоту.

* * *

По пути в Псков Рита тяжело заболела. Вместо дома она попала в больницу. Болезнь прогрессировала. Потребовалось операционное вмешательство.

Ты был сам не свой, Виктор. Понимая состояние жены, ты сердцем своим писал ей: «Люблю тебя все больше и больше... Ты зна-

ешь, Ри, как ты мне дорога и близка?! Мы еще с тобой так заживем, что другим будет завидно!.. Надо верить и мечтать, Риток!»

В горячечном бреде Рита повторяла только твое имя, только твоих писем она ждала, только ты мог поднять ее на ноги. Ты, твоя любовь!

Так что же случилось, Виктор? Я держу в руках твое страшное письмо, поступившее в Псков в день операции Риты, когда речь шла о ее жизни и смерти. Письмо успели перехватить. Оно не попало в тот день в руки Риты. Я напому тебе его содержание:

«...Ты мне не сказала, что у тебя туберкулез, скрыла от меня. И я до сих пор не знал об этом. Но главная причина не в этом. Я перестал тебя любить. А поэтому разреши развязать (!) меня и себя... Лучше тебе перенести этот удар сейчас, чем после всю жизнь мучиться и таскаться по больницам. Нам надо с тобой разойтись, Риток. Это будет самое лучшее из создавшегося положения. Таково мое последнее решение... Как только выйдешь из больницы, сразу дай знать. Я приеду в Ленинград, и сделаем все без шумихи... Это не твоя и моя вина, если ты заболела туберкулезом. Как бы он ни вылечивался, а все равно зачатки остаются...».

Я повторяю, твое письмо не передали Рите в тот день. Она прочитала его много позже. Рита молила, чтобы ей дали твои письма. Они

нужны были ей тогда, как эликсир, как солнце. Но ведь твое письмо — кинжал в сердце.

Родные Риты, унизив свое достоинство (но ведь они и не могли поступить иначе!), послали вам такую телеграмму: «Свердловск, улица Малышева, дом 30, квартира 10, Сыроевым.

Просим морально поддержать Риту, срочно помочь встать больничной койки. Поздравьте праздником (8 Марта. — В. Х.). Пришлите теплое письмо. Будьте человечны. Другие вопросы решим после выздоровления Риты. Спиридоновы».

Конечно, «теплые» письма пришли — и от тебя, Виктор, и от твоей мамы. Но к тому времени Рита уже прочитала то письмо.

Ты помнишь ответ на него?

«Витя, это не ты писал! Ты не мог, нет, не мог написать такое письмо...»

Но ты и не собирался оправдываться, лейтенант. В своих последующих письмах ты бубнил что-то насчет вещей, сетовал на то, что зря Рита посылает письма авиапочтой, транжира деньги...

«С моими родителями ты никогда не примиришься, — писал ты ей. — А я этого не позволю... Они воспитали и вывели меня в люди, сделали из меня человека (!). И если бы не они, разве смогли бы мы купить шифоньер и все остальное, тем более костюм...»

Пожалуй, не стоит больше цитировать твоих писем, Виктор. Будто два человека писали их: один тот, что на велосипеде мчался в стужу из Острова в Псков, повторял клятву на берегу Невы, а другой — скряга, огорченно разглядывающий на конверте лишнюю почтовую марку.

Скажу откровенно, Виктор, я не поверил так же, как и Рита, что это ты писал ей последние письма. Я не поверил и твоему отцу, когда он мне сразу же сказал:

— А о чем может быть речь? У Виктора есть новая девушка.

Но когда я встретился с тобой дома, а потом ты сам пришел ко мне в гостиницу, я понял: Рита ошиблась. Она искала, хотела увидеть в тебе то, что ты сам, не без помощи, конечно, своих родных, растоптал, смешал с грязью. Каким жалким и ничтожным показался ты мне рядом с ее огромной любовью. Нет, не тебе предназначалась ее любовь! Сидел передо мной молоденький лейтенант, а мне казалось, что это тюфяк, набитый прелой соломой. Ты уж прости за грубоватую откровенность. Ведь мы с первой встречи договорились не играть в прятки.

Я старался смотреть тебе в глаза. Мне хотелось увидеть в них легкую рябь Горохового озера, белые ночи Ленинграда, ощутить, понять то, чем жила Рита...

Неужели этого не было? Неужели это только фантазия влюбленной девушки?

Было. Все было, Виктор. Ты согласно кивал головой, боясь поднять глаза. Ты ничего вразумительного не мог сказать. И только одна фраза осталась в моей памяти:

— Зачем тянуть резину? Пусть дает согласие на развод...

И тогда я понял, что говорить с тобой не о чем. И не знаю почему, но в ту минуту я вспомнил десятерых юношей-моряков с Камчатки, отдавших свою кожу для спасения жизни обгоревшему ребенку...

Друг познается в беде. В трудную минуту, Виктор, ты бросил Риту, поступив как трус, как негодяй. Как же после этого смогут верить тебе твои товарищи? Не подведешь ли ты их в час испытаний?

Рита согласилась на развод. Суд счел целесообразным развести вас. Но точку ставить рано. О многом следует тебе поразмыслить, Виктор. Тебе еще жить и жить. Юность свою ты уже замарал. Народ говорит: «От своего хвоста не уйдешь». Впереди суровый возраст. Каким-то ты станешь?

* * *

Вот и кончилась твоя первая любовь, Рита. Будто и не было белых ночей Ленинграда. Буд-

го приснились тебе ландыши на берегу Горохового озера. Будто не ты и Витя, а кто-то другой — наверное из фильма — клялись в верности на всю жизнь. Что ж, может, и лучше, что случилось это сейчас, а не много лет спустя.

Я видел твоих друзей по институту. Это они позаботились о твоём лечении, выхлопотав тебе путевку в санаторий, где ты пробыла четыре месяца. И не осталось от болезни никаких следов. Глядя на тебя, веселую, жизнерадостную девушку, я вначале даже не поверил, что ты и есть Маргарита Сысоева (теперь опять Спиридонова).

У тебя хорошие друзья, Рита! С ними ты никогда и нигде не пропадешь. Сбудутся все твои мечты. И я знаю, верю, к тебе еще придет большая, красивая любовь.

* * *

И снова письма. Десятки, сотни — со всех концов страны. Труженики заводов и полей, учителя и врачи, студенты и школьники, солдаты и офицеры проявляют глубокую заинтересованность к судьбе двух молодых людей. Они не хотят, не могут оставаться в стороне, молчать.

«Мы обсуждали статью на цеховом собра-

нии, — пишут рабочие цеха № 6 Государственной обувной фабрики в Ростове-на-Дону. — Нас возмутило поведение лейтенанта Сысоева. Он хотел «без шумихи» порвать с Ритой, а нам кажется, что пришла пора заговорить о таких поступках во весь голос. У строителей нового, коммунистического общества должны быть чистые руки и светлые помыслы. Каждый такой поступок надо выносить на суд общественности — тем скорее мы с ними покончим»

«Кто такой Виктор после всего этого? — спрашивает техник со станции Топки Томской железной дороги Антонина Ляхова. — Конечно, трус. Много слова и не подберешь. Он испугался первой в его жизни трудности. Человек, прошедший по изрытой ямами и ухабистой дороге, никогда так не поступит. Видимо, легко жилось Виктору за спиной папы и мамы. Поэтому первое испытание и выбило его из колеи.

Я верю, Рита вылечится, в этом нет сомнения. А вот вылечится ли Виктор от своей болезни — трусости и подлости, нужно услышать от него самого. Ведь твоя болезнь, Виктор, страшнее Ритиной. Тут уж поистине медицина бессильна. И никакой-то любви у тебя не было, ибо настоящая любовь поднимает человека, будит в нем все самое хорошее, чистое, толкает на преодоление преград. Я это по себе знаю».

Эту же мысль развивает секретарь партийного бюро одного из колхозов Вельского района Архангельской области А. Челпанов. Обращаясь к Рите, он пишет: «Не думайте, что таких подлецов, как Виктор, много. Нет, их единицы, и мы их выведем на чистую воду, мы их вытравим из нашей жизни. Верьте людям, Рита. Их миллионы — настоящих, честных, верных другу и семье.

Виктор прав в одном: следы туберкулеза иной раз и остаются (правда, теперь все реже и реже — медицина шагает вперед!), но он не понял и ему, по всей вероятности, не понять, что человек со следами туберкулеза может иметь благородную душу и золотое сердце, что такой человек принесет людям пользы и радости гораздо больше, нежели подобные Сысоевым — с чистыми легкими, но с грязной до отращения душой».

«Не захотел бы я с вами, Виктор Сысоев, делить службу солдата, полную всяческих трудностей, — откровенно признается капитан В. Зубков из города Кривой Рог. — В своей душе, если она у вас есть, вырыли вы грязную яму, которую вам ничем не закрыть.

С моей женой случилось то же, что и с Ритой. Но у меня даже мысли не было, чтобы оставить ее, мою славную спутницу жизни, с кото-

рой мы подружились еще на школьной скамье. Вот уже семь лет живем мы вместе, и растут у нас наши радость и утеха — пятилетний Андрейюшка и трехлетняя Галка. И никаких следов от болезни не осталось у жены.

Я не так много прожил: мне всего 29 лет. Но я хочу обратиться ко многим родителям. Для воспитания своих детей вы не жалеете буквально ничего, отдаете им свою душу, но иной раз получается так, что в самый ответственный период их жизни, когда они выходят на самостоятельный путь, вы оказываете им медвежью услугу. Это видно и на примере семьи Сысоевых. Не ошибусь, если скажу, что часто молодые семьи разваливаются под прямым воздействием свекровей и свекров, тещей и тестей. Об этом стоит поговорить всерьез».

Народная мудрость гласит: «Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца». И об этом напоминают многие читатели, взволнованно рассказывая о случаях из своей жизни, из жизни своих друзей и знакомых.

«В 1952 году я тяжело заболела, — пишет жена офицера А. Лунегова из Севастополя. — И в этот трудный для меня час, когда даже врачи опустили руки, бессильные чем-либо помочь, мой муж выписал меня из больницы и сам вступил в отчаянную борьбу за мою жизнь. Он не

спал ночами, ни на минуту не покидая меня. Трудно рассказать обо всем, что сделал он для меня в те дни. Как я счастлива, что рядом со мной оказался такой человек!

Я горжусь своим мужем и глубоко убеждена, что на него смело могут положиться и его товарищи.

У нас подрастают два сына — Андрюша и Сашенька. Я хочу, чтобы они были такими же, как их отец».

А вот что говорит ровесник Виктора Сысоева В. Москаленко, военкор газеты «Часовой Родины»: «По-моему, не было у Сысоева настоящей любви. Любовь — это совсем другое. Как говорят в народе: «Настоящая любовь в огне не горит и в воде не тонет».

Есть у меня любимая девушка — голубоглазая Надюшка. Во время работы на токарном станке стряслась с ней беда. Но ничто не могло помешать нашей искренней любви. Еще дороже стала она мне».

Домашняя хозяйка А. Полякова из города Павлов-Посад Московской области рассказывает: «В 19 лет я заболела туберкулезом, однако муж меня не бросил. Наоборот, несмотря на большие материальные затруднения (это было в 1947 году), он делал все, чтобы вылечить меня. Надеяться мне было не на кого: отец погиб

на фронте в 1943 году, а мама умерла. Чтобы поддержать меня, муж распродал все вещи. В тот год у меня родился сын. Но увидеть мне его пришлось только через год, когда я вышла из больницы. Как трудно было мужу в те дни! Но делили горе и радости мы пополам. Я давно вылечилась, сын тоже здоров, ему уже 13 лет».

Сурово осуждают советские люди родителей Виктора — Николая Ивановича и Раису Александровну Сысоевых, толкнувших сына на омерзительный поступок.

«Виктор типичный мещанин, не способный подняться выше тряпок, сытости, эгоистического самодовольства, — замечает П. Ежов из Шадринска Курганской области. — Яблоко от яблони недалеко катится. Таким воспитали его родители. Корень зла в этом».

Еще более гневно пишут солдаты П. Рогожников и К. Балаев из Омска: «Да, лейтенант, вы правы: вас воспитали ваши родители. В люди они вас вывели, а вот человеком не сумели сделать. И об этом красноречиво говорит ваш бесчеловечный поступок по отношению к Рите».

«У Виктора есть новая девушка», — заявляет ваш отец. Да как же он смеет спокойно говорить об этом: у женатого офицера есть девушка! И он одобряет это? Хорошо отец, нечего сказать!

Вы офицер, Виктор. Для солдата вы — наставник, учитель, друг. Воины уважают своих командиров, доверяют им свои самые сокровенные думы. Но можно ли уважать вас? Мы глубоко сомневаемся».

«Мы осуждаем родителей, воспитавших в нашем обществе такого сына — эгоиста и крохобора, — пишут работницы ателье № 1 Текстильшвейторга, что в городе Горьком. — Уверены, что человек с такой мелкой душой не сможет найти настоящего места и подлинного счастья в жизни, коль он не пересмотрит своих взглядов».

Сотрудники Торопецкого райисполкома Калининской области А. Жукова, Г. Бородина, Н. Чигузнева, В. Царева, А. Павлова и другие считают, что «не школа, не училище, а родители Сысоева с их допотопными взглядами на жизнь сделали Виктора таким. Вот и оказался он во власти шифоньеров, легко расстался с любимым человеком, покинул его в беде. Нет, не достоин он Ритиной любви!»

Пришло письмо и из части, где служит Виктор Сысоев. Подполковник А. Попов сообщает: «Статья «Где же вы, белые ночи Ленинграда...» обсуждалась на собрании офицеров части. Их отношение к поступку лейтенанта Сысоева можно выразить одним словом: негодование.

— Для такого человека, как Сысоев, — заявил старший лейтенант Малыхин, — нет ничего святого. Ради своего благополучия он может пойти на любую подлость.

— Сысоев поступил как трус по отношению к жене, — продолжил мысль товарища старший лейтенант Николаев, давно знающий Сысоева. — Но и на службе он не отличался: личные интересы для него превыше всего.

В нашей части лейтенант Сысоев служит недавно, многие офицеры знают его недостаточно хорошо, но он, как и мы, офицер, и, естественно, для нас не безразлично его обывательское поведение. Сысоев позорит весь офицерский корпус.

В ходе обсуждения офицеры высказывали справедливые упреки в адрес родителей Сысоева, которые активно способствовали разладу в семье их сына.

Отец лейтенанта Виктора Сысоева, как известно, ответственный работник Свердловска, и, являясь руководителем учреждения, он, несомненно, говорит о необходимости усиления обороны нашей страны. Но сам-то Сысоев-старший считает, что защищать Родину должен кто-то другой, а не его сын. На имя командира части Н. И. Сысоев прислал письмо с просьбой...

уволить его сына из рядов Советской Армии, так как видите ли, его сын «слаб здоровьем».

Мы, офицеры части, считаем что партийная организация и общественность областной конторы Госбанка должны потребовать ответа от Н. И. Сысоева: как могло случиться, что в семье коммуниста вырос моральный урод?»

И еще одно письмо. Пожалуй, есть смысл привести его целиком, без особой правки. Автор его, инженер из Краснодара, попросил об одном: если письмо будет опубликовано, поставить под ним инициалы — М. К. Мы охотно выполняем эту просьбу. Публикуя ниже письмо М. К., мы считаем, что оно, несомненно, представляет самостоятельный интерес, а поэтому и включили его в отдельную главу.

• • •

По пути на работу, в троллейбусе, я прочитал статью «Где же вы, белые ночи Ленинграда...». Прочитал, и весь день не мог сосредоточиться. И вот сейчас, глубокой ночью, я стою у открытого окна и курю, курю... В клубах табачного дыма проплывает вся моя жизнь.

Боясь, чтобы моя судьба не постигла Виктора Сысоева, я решил написать это письмо. Я уже не молод, мне 45 лет. И, может, урок, полученный мною, пойдет Виктору на пользу.

Шел 1938 год. Я заканчивал учебу в Институте пищевой промышленности. Моя подруга Таня училась в медицинском институте. Жили мы в одном доме, учились в одной школе, друг без друга, казалось, не могли прожить и часа. Сколько раз мы встречали рассвет над Кубанью! Счастливее нас, думалось, в мире не было.

Я уже защищал диплом (Тане оставалось еще два года до окончания института), когда мы решили пожениться. Подали заявление в загс и начали готовиться к свадьбе. Но незадолго до нее произошел страшный случай: Таня разлила кислоту, брызги которой попали ей в глаза. Она потеряла зрение...

И вот тут наступило испытание, которого я не выдержал. Во мне долго боролись два чувства. Одно говорило: этот человек дороже всех для меня. Ведь мы около двадцати лет (всю свою жизнь!) прожили рядом, так любили друг друга, так верили один другому, что, случись что-нибудь со мной, я убежден, она бы ни за что меня не оставила.

Но другое — подлое, жалкое, нашептывало: ты молод, красив, впереди манящее будущее молодого специалиста. А тут обуза на всю жизнь... Нет!

И это чувство победило.

Я взял обратно заявление о браке и уехал по

месту назначения. Мать написала мне, что Таня находится теперь в московской клинике. Я попросил маму никогда и ничего не писать мне о Тане. Я старался забыть свою невесту.

Но через два-три месяца получил письмо от ее родителей. Они просили, чтобы я сам написал и объяснил Тане свое поведение, ибо она им не верила, считая, что слишком хорошо знает меня. К тому же Таня ждала от меня ребенка. А я даже и не подумал об этом.

Подленькое, гадкое чувство заговорило во мне с еще большей силой. Я уехал, а точнее, сбежал на Дальний Восток, взяв с собой и маму. Теперь, думаю я, никто меня не станет беспокоить, и у меня начнется новая жизнь.

А время шло. Я женился. Но на сердце было тревожно. Был ли я счастлив? Вряд ли. Потом началась война. Я ушел на фронт. Вскоре мне сообщили, что моя дальневосточная жена вышла за другого. Мне было все равно.

В 1944 году я был тяжело ранен и доставлен на ближайший медпункт. Спустя несколько дней, когда ко мне вернулось сознание и я впервые после ранения открыл глаза, мне померещилось, будто надо мной склонилась... Таня. Но, к радости или к горю, не знаю, это был не сон. Она, Таня, не вытирая слез, смотрела на меня. И прежде чем я успел промолвить слово, она поки-

нула палату. Я умолял сестру вернуть ее, но мне сказали, что доктор К. плохо себя чувствует и поэтому ко мне придет другой врач.

Мне рассказали потом, что это Татьяна Владимировна спасла мне жизнь, оперировала меня, дала мне свою кровь, три бессонные ночи провела у изголовья.

Так снова сошлись наши пути. Я думал, что такое случается только в романах да в фильмах. Я просил, чтобы она зашла еще раз. Но, увы, Таня перевелась в другой госпиталь. У нее была другая фамилия: значит, она уже была замужем.

Закончилась война. Я разыскал Таню, написал ей письмо. Получилось оно большим, сумбурным. Я попытался объяснить все, как было, просил прощения, умолял вернуться, клялся, что люблю ее, для чего-то напомнил о нашей весне, юности... Во имя этого просил простить.

И вот пришел долгожданный ответ. Был он коротким и строгим. Не было в нем ни упреков, ни оскорблений. Таня просила об одном: оставить ее в покое, не думать о ней, она теперь жена и мать. Годы, проведенные со мной, писала она, по-видимому ей только приснились...

Я все понимал. Конечно, поздно стал я каяться. Но что я мог теперь поделать? Я так хотел, чтобы мне дали самое трудное дело, чтобы

я мог доказать, как я ее люблю, что жизнь без нее не мила.

В 1958 году, не выдержав, решил навестить ее, хоть издали на нее посмотреть. На звонок вышла девятнадцатидвадцатилетняя девушка. Хотелось крикнуть:

— Таня!

Именно такой осталась она в моей памяти с той поры, как бросил я ее в беде.

— Вы к папе или к маме?

— Видите ли, — растерянный и жалкий, бормотал я своей дочери (ты можешь это понять, Сысоев? Дочери, но теперь уже не моей!) — я друг вашей мамы по институту...

— Проходите, мама будет очень рада... Вы, может быть, и папу моего знали?..

— Да, конечно, — повторил я в замешательстве.

— К сожалению, он умер, когда я еще не родилась... Ой, что же я, давайте познакомимся! Меня зовут Мариной, я студентка медицинского института. Моя младшая сестренка не знает, что наш папа не родной мне. Смотрите, не проговоритесь! Но я его люблю, как родного. Он такой хороший, добрый!..

...Я ушел, не дождавись Тани. На другой день позвонил ей на работу. Мы договорились встретиться. Она пришла точно в назначенное

время. Я ждал и боялся этой встречи. Думал, что она назовет меня трусом, подлецом. Но нет, видимо, она поняла, почувствовала, что я уже наказан жизнью, что нет смысла бередить старые раны, вспоминать прошлое. Мы долго говорили в тот вечер, многого не договаривая.

И знаешь, Виктор, о чем с сожалением подумал я в те горькие и счастливые минуты нашей, быть может, последней встречи? Мне стало больно при мысли, что вот эта чудесная женщина, любящая жена и мать, первые порывы своего сердца отдала такому ничтожному человеку, каким оказался я.

Сколько она пережила! Как стойко приняла на себя удары жизни! Какие хорошие друзья оказались рядом с ней! Какого славного, достойного человека встретила она на пути!

Она пригласила меня на ужин. Я посидел в кругу ее семьи. Это настоящая советская семья. Хотя и горько мне сейчас, но я рад за Таню.

Не окажись, Виктор, в моем положении. Ведь я чувствую, что ты любишь Риту. Я узнаю в ней Таню. Такая сильная натура сможет сделать из тебя человека. Еще не поздно, Виктор!

Нас с Таней разделяют тысячи километров, но, когда я думаю о ней, хочется лучше жить и работать, на душе становится легко, хотя жизнь свою я не смог устроить.

Да, разговор, видимо, не окончен. Он еще будет продолжен. Думается, что и ты, товарищ, читая эту книжку, выразишь свое отношение к поднятым на ее страницах вопросам.

ПОСЛОВИЦЫ РАЗНЫХ НАРОДОВ О ЧЕСТИ И ПРАВДЕ

Деньги потеряны — мало потеряно, здоровье потеряно — много потеряно, честь потеряна — все потеряно (Эстонская).

Честь лучше денег (Французская).

Кому честь — тому и хвала (Украинская).

Через мост бесчестья не ходи, пусть лучше смоем поток воды (Восточная).

Живи своим умом, а честь расти трудом (Русская).

Честь ум рождает, бесчестье и последний отнимает (Русская).

За совесть да за честь, — хоть голову снести (Русская).

Где виден путь прямой, не езди по кривой (Татарская).

Правдивое слово не требует поручителя (Татарская).

Честный человек дороже каменного моста (Русская).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Сорняки среди цветов	3
Встреча на карнавале	3
Пусти ворону в Париж	7
Душа в «дудочке»	12
Письмо в голубом конверте	19
Дождевому червя и подметка — высота	19
Если заглянуть в историю	23
«Мужичка» нужно догонять	28
Где же вы, белые почты Ленинграда...	31
Пословицы разных народов о чести и правде	59

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
 Всесоюзного общества
 по распространению
 политических и научных знаний

Автор
 Виктор Васильевич Хмара

Редактор Н. И. Коротеев
 Техн. редактор Е. В. Савченко
 Корректор Э. А. Шехтман

Оформление художника Ю. Г. Макарова

А 10561. Подписано к печати 10.XII. 1960 г. Тираж
 1-го завода 300.000 экз. Изд. № 353. Бумага 60×92¹/₃₂—
 1,0 бум. л=2,0 печ. л. Учетно-изд. 1,8 л. Заказ № 2710.
 Цена 45 коп. С 1.I.1961 г. — 5 коп.

Типография изд-ва «Знание».
 Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас свой отзыв о данной книжке и свои пожелания прислать в издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Наш адрес: Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

В серии «Прочти, товарищ!» вышли в свет:

- М. Абрамов. Закон границы.
- С. Виноградская. Комплект «Правды».
- Б. Зюков. В тайны глубин.
- Л. Лазарев, А. Тараданкин. Предисловие к жизни.
- Л. Леонов, К. Паустовский, В. Закруткин, Б. Емельянов, Н. Коротеев. Слово о бессловесном.
- Б. Петровский. Хирург лечит сердце.
- А. Тараданкин. Люди в зеленых фуражках.
- Н. Воробьев. Уральский самородок.
- В. Кассис. Там, где небо вечно синее.
- Н. Кончаловская. Сын земли Сибирской.
- В. Накаряков. Самолет открывает тайны земли.
- А. Соляник. Под созвездием Южного Креста.
- Л. Шейнин. Человек и закон.

В ближайшее время выйдут книжки:

- О. Горлов, В. Борисов. Животные в космосе.
В. Канторович. «Ты» и «Бы».
Н. Коротеев. Живое дерево.
А. Кленов. Наша дневная звезда.
П. Мельников. Река жизни.
А. Мусатов. По первопутку.
М. Поповский. Белое пятно.
Е. Федоровский. Секрет рыбьих стай.
Б. Хвалынский. Золотая копейка.
И. Шатуновский. Кто не работает, тот не ест.